

М.Н. Семевский

Семейство Монсов

1688-1724

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Н. Семевский**
Семейство Монсов: 1688-1724 / М.Н. Семевский – М.: Книга по Требованию,
2023. – 204 с.

ISBN 978-5-518-10207-1

ISBN 978-5-518-10207-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1688—1704

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

I

А Н Н А М О Н С О В ъ

1692—1703

Въ 1698 году въ послѣднихъ часахъ августа, Москва тревожно ждала государя изъ его долговременнаго, заграничнаго путешествія. Чувство тревоги и страха волновало всѣхъ отъ великаго боярина и «генералиссимуса» Шейна до послѣдняго стрѣльца, томившагося въ колодкахъ за известное дѣло подъ воскресенскимъ монастыремъ... Въ толпахъ «сѣраго» народа бродили разные слухи и толки; тѣ и другіе были вызываемы нелюбовью къ Петру и его нововведеніямъ, тѣ и другіе были поддерживаемы полуторагодичной отлучкой монарха. «Царя Петра Алексѣевича не стало за моремъ!» таинственно говорили тетки и сестры государя и вслѣдъ за ними вѣсть эту разносили горожанки, стрѣльцы и стрѣльчихи повторяли и вѣрили ей, даже бояре-правители, охваченные, по выраженію государя: «бабыимъ страхомъ». «У насъ на верху (т. е. во дворцѣ) позамялось, шептала одна изъ враждебныхъ Петру царевенъ своей постельницѣ, хотѣли было бояре государя-царевича улучшить...» «Государь, передавала стрѣльчихамъ одна изъ боярскихъ боярынь, государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ... И въ то число, какъ было бояре хотѣли государя-царевича улучшить, его подмѣнили и платье его на другаго надѣли, и царяца узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ явой комнатѣ.

Толки эти, начавшіеся чуть не со времени отъѣзда Петра, приняли громадныя размѣры и были искрой, брошенной въ народъ. «Нынѣ вамъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Что вы стали?...» И стрѣльцы откликнулись на призывъ: «въ Москву, въ Москву! перебьемъ бояръ, разоримъ Кукуй (нѣмецкую слободу), перерѣжемъ нѣмцевъ!...»

Нѣмцы остались цѣлы; уцѣлѣвъ и ненавидимый народу Кукуй городокъ: стойкость Гордова и цукки Де-Граге спасли кукуйцевъ отъ народной мести; стрѣльцы были смяты, разбиты, перекачаны и 2 июля 140 обложены кнутомъ, а 130 человекъ, по указу Шейна и бояръ-правителей, вздернуты на висѣлицы.

Но розыскъ и казни были слишкомъ поспѣшны, милосерды и необстоятельны для столь важнаго дѣла, такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру; «съ печалью и досадою отъ болѣзни сердца» слалъ онъ еще дѣвъ Амстердама горькія укоризны кесарю Ромодановскому за послабленіе мятежникамъ; и вотъ съ твердымъ намѣреніемъ «вырвать сѣмя Милославскаго, угасить огонь мятежа» спѣшилъ государь въ столицу: «Сей ради причины, писалъ онъ Ромодановскому, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы и не чаяете.»

Бояре однако чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторникъ, 25 августа, въ 6 часовъ пополудни, только-что прозвонили отъ вечерни, въ боярскихъ палатахъ, дворцовыхъ теремахъ, затѣвъ по всей Москвѣ пролетѣла вѣсть: государь приѣхалъ! Петръ съ Лефортомъ и Головинымъ возвратился въ столицу. Проводивъ великихъ пословъ до ихъ жилищъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, царь спѣшилъ насладиться радостями любви въ семействѣ виноторговца, одного изъ жителей Кукуй-городка, Ивана Монса. Анна Монсъ, младшая дочь виноторговца, дѣвскою лѣтъ тому назадъ успѣла приковать къ себѣ сердце суроваго монарха. Казалось разсѣваніе заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра къ Аннѣ Ивановнѣ; это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что во все время съ марта, 1697 года по августъ 1698 года т. е. во время путешествія своего, государь ни разу не вспомнилъ объ Аннѣ, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ многочисленной переписки съ ея нѣмецкими и русскими слугами. Но видъ Кукуй-городка должно быть воскресилъ въ памяти Петра тѣ пріятныя часы, которые онъ проводилъ въ семействѣ Монсъ, и вотъ онъ спѣшитъ обнять одну изъ красавицъ нѣмецкой слободы... «Крайне удивительно, писалъ австрійскій посолъ Гваренцъ, крайне удивительно, что царь противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія еще одержимъ

прежнюю страстью; онъ тотчасъ же яриздъ посетилъ нѣмку Монсъ...» (1)

Но любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ. (2) На слѣдующіе же дни Петръ поспѣшилъ принять всѣхъ и каждого въ комъ только имѣлъ нужду; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣдки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывала ножницами, «это были первые — восклицаетъ г. Устряловъ — и самые трудные шаги къ перерожденію Россіи!» Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ паремъ изъ за границы, стриженные савоинки слышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе напитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и ширшества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кафтанами. «Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому что мнѣ нравится его личность.»

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами; но заявляя предъ ними пріязнь къ Августу, онъ спѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить ширъ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Лефорта. 2 сентября къ нему собралось до 500 человекъ гостей; на пирушку, по указу царя, были созваны всѣ нѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монсъ, настоящую царицу праздника. Заздравные тосты, пляска пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами встрѣчали каждый тостъ, и самая горячая пляска не переставала до поздняго утра... Но оставимте танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами; Петръ окруженъ друзьями и слугами, шумна бесѣда «кумпаніи»; хмѣль развязалъ языки, и генералпсимвусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалты-

(1) Guarient. Делешн его къ имп. Леопольду I, 1698 г. въ X приложеніи пст. Петра. соч. Устрялова. Т. III. стр. 621.

(2) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-ой кварталъ покровской части.

вается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ большомъ числѣ сдѣланныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ за стола, онъ спрашиваетъ о слышанномъ солдаты, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодование; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: «какъ колочу я теперь по столу, кричитъ Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералиссимусъ, сдеру шкуру!»

Еслибы можно было перенестись въ это общество, созданное по указу царя веселить его и самимъ веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разстановавшихся нѣмокъ—красавицъ и нѣмецвъ—кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахиванія сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералиссимусу грозила явная опасность; одинъ шагъ и — если не шкура, то голова его легко могло бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ... Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Зотовъ дерзнули удерживать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-папу, и на половину отрубилъ пальцы князю-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но несмертельны... «Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ»; ⁽¹⁾ каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрѣе нѣмцы и нѣмки, особенно послѣдніе. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ ⁽²⁾ и взялся успѣшно (*dilato haud dubie in aliud tempus ferege*): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника Ромодановскаго остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алексашку; того самаго Алексашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣлцкихъ головъ... ⁽³⁾ Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ личикомъ и огненными глазами, — знаменитый Меньшиковъ...

(1) Guazient. 622, 625, 626. *Нартовъ*, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности шире довольно сходно съ рассказомъ Guazient. См. в. Москвит. 1842 г. № 4 стр. 458—460.

(2) Слова: «der junge Favorit aber» Guazient пишетъ цифирью.

(3) Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году. «Отеч. Зап.» 1861 г. № 5 стр. 120.

Въ то время, когда пируетъ и изволяетъ гнѣваться его царское величество, когда безвѣстная иѣмка съ бойкимъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки, что же дѣлаетъ злополучная, забытая царица?

Извѣстно, что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣрнѣйшимъ изъ бояръ, убѣдить царицу «во свободѣ» удалиться въ монастырь⁽¹⁾. Царица не соглашалась; надо думать, что духовникъ и патріархъ, лица, на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Федоровну, дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и ве далѣе какъ на шестой день по прїѣздѣ, четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно *лакомическая* рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлукѣ съ единственнымъ сыномъ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и незамедлительно вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы: въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилваніи его за то, что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь; оробѣвшій архіепископъ винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, которые многими доводами не допустили его до этаго. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣвало царя; три духовныя лица были немедленно, по его указу, посажены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха, то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами⁽²⁾...

На другой день послѣ описаннаго замѣ бала приступлено къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы: любимѣйшая сестра Петра, царевна Наталья, оторвала отъ матери ея родное дѣтище; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали: почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній идти въ монастырь? кто тебя отъ этого удерживалъ? — Царица смиренно отвѣтила, что только долгъ матери дѣлалъ ее ослушницей царскихъ повелѣній; она не знала на кого оставить единственнаго сына. — «Загнѣвъ», пишетъ Guagient, — ей оказали милость: дозволили выбрать одинъ изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставили за ней право носить свѣтское платье. Царицу увезли въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичій монастырь⁽³⁾.

Что было причиной развода Петра съ женой? — Извѣстно, что

(1) Царица Авдотья Лопухина. Очеркъ изъ Русской исторіи. «Русскій Вѣстникъ». 1859 г. № 9.

(2) Guagient, с. 623.

(3) Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздаль — мѣсто заточенія А. Ф. Лопухиной, ст. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. № 12.

г. Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ, — вопросъ безразличный и довольно важный для характеристики Петра, первопричинный. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софьею; съ неменьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣмъ подозрѣнныя: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковнина; и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, «что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ — остается тайной». Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочувствовать имъ, но даже и знать о нихъ — царица не могла. Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, прижитыхъ отъ своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа — о чемъ свидѣлствуютъ ей письма и ее ревность къ государю; вѣрнѣе же участія царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденія жены удалиться «въ свободѣ», на личные объясненія съ нею, не сталъ бы и дѣлать ей послабленій даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить свѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ не сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательствъ этого всѣмъ извѣстны. И такъ не въ нѣмомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ своего державнаго супруга, надо искать причину ее ссылки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Федоровна ни мало не соотвѣтствовала идеалу Петра; они — не сошлись характерами. Мы представляемъ себѣ Авдотью Федоровну идеаломъ такъ называемыхъ *до петровскихъ* женщинъ, образцомъ царицы московскихъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она *обыклась* съ терпимымъ заточеніемъ; она няничится съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, боярынь и боярышень, затѣмъ сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа. Жгучей, страстной, порывистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина, — ему нужна была не безмолвная, весьма цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ боязни, что государыня царица не сказала бы какой-нибудь глупости, «и отъ того пришло бѣ самому царю въ стыдъ» (1)...

(1) Московскаго Государства, говоритъ Котошихинъ, женской полъ грамотѣ неученые, и не обычайному есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отто-

Она тупа! гварировать Петръ о первой супругѣ (1), следовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, «отъ которой пришло къ ему въ стыдъ»; и такъ — ему нужна была женщина, взросшая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутивымъ словомъ кстати отогнать отъ него черную думу, смягчить гадъ, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила; плясала бы до упаду, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, видная, лонкая, крѣпкая мышцами, высоко-трудола, съ страстными огненными глазами, находчивая, вѣчно веселая словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьей, — вотъ что было идеаломъ Петра: его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему, нѣмецкой или голландской рѣчью съ какимъ-нибудь проломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ или иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру въ семьяствахъ бояръ; въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи онъ ее могъ только найти въ нѣмецкой слободѣ... Анна Моисъ, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и сдѣлалась послѣднимъ поводомъ къ заточенью царицы (2). И мы убѣждены, вопреки г. Устрялову, что ни какихъ *болѣе важныхъ побужденій*, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра и — онъ оторвалъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наследника престола.

Какъ бы то ни было, но фактъ, къ великому соблазну народа, совершился: царь развелся съ женой, — и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ «гасить огонь мятежный». — Кремлевскія стѣны покрываются трупами; московскія площади обильваются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ «иноземческаго» царя, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы герои

вооры несмышланы и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознатца, отъ чего бы имъ были гораздо разумнымъ и смѣлымъ: тамъ же какъ и замужъ выдуть, и ихъ потому жъ люди видаютъ мало. И толкъъ царь въ то время учинилъ такъ, что... посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посольствѣ, а она бы выслушавъ посольства, собою отвѣту не учинила бы никакого, и отъ того пришло къ самому царю въ стыдъ. *Котошанинъ*, стр. 46.

(1) *Нартовъ* въ Москвит. 1842 г. № 11 стр. 140.

(2) Тоже думаетъ *Щербатовъ* въ соч. «О поережд. правовъ» стр. 29.

умирають за старую Русь, погребаемую Петромъ; не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣлецкіе казни:

Изъ Кремля, Кремля вѣшка города,
Отъ двorca, двorca государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тутъ широкая дорожка;
Что по той по широкой, по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина, атамана стрѣleckаго,
За намѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ — не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей — озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палаць;
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ;
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручья шумять,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
«Ты, дитя ли ваше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ».
Камеветъ сердце молодечкое,
Онъ противится царю, упрямяется;
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣлахъ своихъ не болѣзаетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца, въ разные дни, восемь длиннѣйшихъ процессій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы: ихъ везли и вели на кровавое побоище; Москва прибывалась къ подобнымъ картинамъ:

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, — повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скриваны,

По правую руку идетъ страшнѣйшая палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная...

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было и самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: «отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцахъ, говаривалъ онъ въ это время, гирь отечества, всѣ улы во мнѣ трепещуть; помысла о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожадающая саранча!»⁽¹⁾

По свидѣльству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра держали тогда по ночамъ такія конвульсіи во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ денщиковъ и только держась за его плечи, могъ заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и левыхъ мускуловъ въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ⁽²⁾. «Юный фаворитъ» былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связаннаго съ ненавистной для него стариной; въ Меншиковѣ для Петра выросло поколѣніе его ставленниковъ, его пленцовъ...

— Къ Алексашкѣ Меншикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государена милость такова, что никому таковой нѣтъ.

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и небыло; чортъ его съ нимъ свесъ
. что волюно ему, что чорту въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ⁽³⁾...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ истолкованія чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время. Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ, какова была эта женщина, окончателно остудившая его къ царицѣ, и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи; что это за женщина которой, по свидѣтельству иностранцевъ, отдавъ сердце, Петръ не-

(1) *Нартковъ*. «Москвитян.» 1842 г.

(2) *Нартковъ*. «Москвитян.» 1842 г. № 4 стр. 466—467.

(3) Изъ дѣлъ преображ. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣсту тяглица Золотаря. 30 августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Александру Меншикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправлены въ преображенскій приказъ. Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей; по заступничеству его опоздало: Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій пленецъ Петра съ юныхъ лѣтъ обмылся принимать взятки.

премѣнно раздѣлялъ бы съ ней и корону всея Россіи (1), еслибы только на его любовь красавица отвѣтила такую же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда дюжинныхъ любовницъ вѣдучихъ персовъ и заслуживаетъ нѣсколькихъ страничекъ въ очеркахъ частной жизни Петра-великаго.

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со времени Ивана Грознаго особою слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; нѣмецкая слобода была какбы особый городокъ, рѣзко выдѣлявшійся, какъ по своему вышнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Разоренный и уничтоженный «въ нужное и прискорбное время» т. е. вначалѣ XVII вѣка «Кукуй-городокъ» (2) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ (3).

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ Новоиноземческой слободѣ. Отведенные подъ нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземскія кирки и жизнь совершенно особая потекла на Кукуѣ. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, «художествъ и ремеслъ». Подлѣ дома генерала подымалось жилище и нѣмецкаго гостя; близъ доктора жилъ какой-нибудь виноторговецъ, даже золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большую часть жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ заѣзъ были замѣтнѣе другихъ дома Кельдермана «московскаго государства повѣреннаго и чести достойнаго» Даніэля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса и др. Тутъ-же жили семейства покойныхъ служивыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и другихъ (4). Несмотря на сословныя отличія и разность занятій, иноземцы, говоря вообще, жили не замкнуто въ своихъ семьяхъ, или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная при первыхъ благоприятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда московское правительство въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать.

(1) *Helbig* Russische Günstlinge, стр. 110—112.

(2) Такъ прозывалась слобода отъ близъ протекавшаго ручья Кукуя.

(3) П. с. в. т. I № 85.

(4) О Гамильтонѣ въ статьѣ: «Фрейляна Гамильтонъ». Отеч. Зап. 1860 г. № IX.